

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ» НА ЯЗЫКЕ ОРИГИНАЛА

В АМПЕРАХ ИЗМЕРЯЮТ СИЛУ ТОКА, В ВОЛЬТАХ — НАПРЯЖЕНИЕ. А В БАЙРОНАХ С НЕДАВНИХ ПОР В ШКОЛЕ-СТУДИИ МХАТ СТАЛИ ИЗМЕРЯТЬ СТЕПЕНЬ ТАЛАНТА: ПОЛ-БАЙРОНА, ОДИН БАЙРОН. «ВИНОВНИК» ПОЯВЛЕНИЯ НОВОЙ ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ — ОДИН ЛАНД БАЙРОН, АМЕРИКАНЕЦ, КОТОРЫЙ ПРИЕХАЛ В РОССИЮ НА ПАРУ МЕСЯЦЕВ СТАЖИРОВКИ И ЗАДЕРЖАЛСЯ НА МНОГО ЛЕТ. К ОКОНЧАНИЮ ШКОЛЫ-СТУДИИ В ЕГО РЕПЕРТУАРЕ БЫЛО УЖЕ С ДЕСЯТОК РОЛЕЙ, ВКЛЮЧАЯ ГАМЛЕТА, И НЕСКОЛЬКО ПРЕМИЙ.

«Я» родился в лесу, в штате Миннесота, недалеко от озера Верхнее. Это самое большое по площади озеро в мире, Байкал Америки. Уехав в Россию, я точно снова попал в Миннесоту. У нас тоже есть тайга и комары — правда, они гораздо меньше, чем ваши. Мой папа — владелец лесопилки, а мама — администратор в поликлинике. Она всегда хотела, чтобы я разбирался в искусстве: возила меня в музеи, водила на прослушивание в местном театре, хотела, чтобы я занимался музыкой (я играл на виолончели, на трубе, на альте, теперь еще играю на скрипке). Россия всегда была овеяна для меня каким-то романтическим ореолом, не в последнюю очередь благодаря холодной войне. Однажды к нам по культурному обмену приехала русская девочка, которая взахлеб рассказывала про Байкал — самое глубокое озеро в мире. Я сразу захотел там побывать (что, кстати, уже и сделал дважды — это ваше лучшее сокровище!). Еще на мое отношение к России повлияло то, что Чехов, Достоевский, Толстой — тоже отсюда. Я стал заниматься музыкальным театром в университете в Мичигане. На третьем курсе мы по традиции должны были ехать на стажировку в другую страну. Как правило, студенты стараются попасть в Лондон, в крайнем случае — в Австралию, но мне не хотелось легких путей. Я обнаружил в интернете сайт, где говорилось о единственной существующей совместной программе Института Юджина О'Нила и Школы-студии МХАТ, и решил, что поеду в Москву. На одном из занятий наши педагоги, Игорь Золотовицкий и Сергей Земцов, спросили меня через переводчика, нравятся ли мне русский язык, Москва. Я не очень понял смысл их вопросов, ответил вежливо, что да, дескать, нравится. «Ну так приезжай к нам учиться». И тут — не знаю, как объяснить, — весь огромный мир вокруг превратился для меня в туннель, в единственно верный путь. Урок еще шел, но я ничего не слышал, только понимал, что не могу отказать от такого шанса. Родители меня, разумеется, не поняли — в Мичигане я мог учиться бесплатно, по грантам. Но... там нас учили быть не артистами, а бизнесменами в искусстве, и я еще до поездки в Россию понимал, что должен что-то менять. Потом мне стало по-настоящему страшно от принятого решения. Помню свой первый день в общежитии — никого нет, пустота, и, чтобы как-то отвлечься от страха, я заиграл на альте. Так я прожил с февраля по июль: учил язык, пытался работать, преподавать английский. И как-то незаметно сдружился со студентами курса Константина Райкина. Сходил с ними в «Сатирикон» и понял, что мне был бы интересен такой тип театра. В итоге я заявил Земцову и Золотовицкому, что хочу учиться с этими ребятами. Мы — пятеро новеньких — пришли на второй курс сразу после страшной трагедии: погиб наш студент Фима Рощупкин, крутейший друг. Мы не так много с ним общались, но чувствовалось, что душа у него громадная. Он погиб в июле, а в сентябре, когда началась учеба, на нас смотрели настороженно, точно мы пришли заменить того, кого заменить невозможно. Всем было неловко, мне особенно — я вообще сложно схожусь с людьми, тем более в чужой стране. Но Константин Аркадьевич сразу окунул нас в работу — и очень жестко. Потом мы дважды съездили к родителям Фимы, и нас это очень сблизило. Конечно, учиться было тяжело — для меня одного никто ничего не переводил. В первый же день на занятиях в аудитории

КОНЕЧНО, УЧИТЬСЯ БЫЛО ТЯЖЕЛО — ДЛЯ МЕНЯ ОДНОГО НИКТО НИЧЕГО НЕ ПЕРЕВОДИЛ. В ПЕРВЫЙ ЖЕ ДЕНЬ НА ЗАНЯТИЯХ В АУДИТОРИИ 401 Я СКАЗАЛ СЕБЕ: «О'КЕЙ, ОДИН. ТЫ ЗДЕСЬ, И ТЕПЕРЬ ТЕБЕ НАДО ПОНИМАТЬ».

«Я сказал себе: если здесь и сейчас я играю Гамлета, пусть с акцентом, пусть перед случайными людьми, – я должен заставить себя слушать. И у меня получилось!»

до того, что заплатил за мою учебу сумму, которую мне было очень трудно найти: «Не думай об этом, Один, забудь. Подумаешь через много лет». Я до сих пор ее не вернул.

А тогда он сказал мне: «Во-первых, успокойся. А во-вторых, постарайся найти хотя бы одну работу, чтобы в ней потеряться». Такой работой стал, конечно же, Гамлет, но не только. Задолго до «Гамлета» мы стали работать над отрывками. И мне достался (наверняка с подачи Райкина) Борис Григорьевич из «Грозы». Я начал работать. И вдруг на прогоне почувствовал хорошую реакцию зала, услышал смех. И этот момент дал мне силы, чтобы пойти дальше и дожить до «Гамлета». Войти, так сказать, в историю – ведь никогда эту роль еще не играл иностранец. В «Гамлете» мне, с моим акцентом, тоже приходилось преодолевать какие-то преграды. Однажды на первом ряду оказались парень с девушкой, которые явно зашли с улицы без особого настроения: шептались, отвлекались на телефон. Но я сказал себе: если здесь и сейчас я играю Гамлета, пусть с акцентом, пусть перед такими людьми, – я должен заставить их себя слушать. И у меня получилось!

Когда я заканчивал Школу-студию, у меня были приглашения в театры, но роль мне предложили только в «Сатириконе». И я понял, что важнее всего работать с теми, кто хочет работать с тобой. Константин Аркадьевич относится ко мне по-отечески. Как отец, поддерживает меня здесь и, как отец, готов меня отпустить, понимая, что когда-нибудь мне могут предложить какой-то интересный проект. Мне от этого очень тепло! Вообще Москва – очень сложный город, без близких людей я вряд ли мог бы здесь удержаться. В России самое важное – люди. Пока они тебя не знают, они очень сдержанны – можно подумать, что тебя просто не видят, человеком не считают. Но стоит только познакомиться, становятся удивительно теплыми. Если русскому неприятно, это сразу видно! Они вообще ничего не скрывают!

401 я сказал себе: «О'кей, Один. Ты здесь, и теперь тебе надо понимать». Видимо, надо было искупаться в этой «воде». Нужда выражать свои мысли заставляет достаточно быстро связывать слова – пусть неправильно, но понятно. Я скоро понял – если ты сам понимаешь, что хочешь сказать, слова найдутся. Прямо по Станиславскому: рот сам все сделает. Сейчас я играю Островского – понимаю, что для русских его язык уже немножечко чужой, но для меня такого вопроса нет. Как в работе над любой ролью, я должен посидеть над текстом со словарем. То же самое, кстати, происходит с актером-американцем, если он играет Шекспира по-английски: новый синтаксис, незнакомая лексика, которую Шекспир привнес в английский язык.

Во время учебы у меня были минуты совершенного отчаяния. Уже собирался купить обратный билет. Однажды все-таки решил поговорить с Константином Аркадьевичем, который все время мне помогал. Вплоть

«Сейчас я играю Островского – понимаю, что для русских его язык уже немножечко чужой, но для меня такого вопроса нет.»

Для меня это как свежий воздух после всяких искусственных дружб, которых я насмотрелся в Америке. Поэтому даже в театре русские любят четкие мысли. Меня очень мучает вопрос, как жить дальше. Люди, которых я уважаю – педагоги, режиссеры, – говорят мне, что я должен уехать. Если актер хочет серьезно заниматься карьерой, он должен жить на родине. Я все понимаю, но что со всем этим делать – с интересными возможностями, с людьми, которые хотят со мной работать, – совершенно не представляю».

ВООБЩЕ МОСКВА – ОЧЕНЬ СЛОЖНЫЙ ГОРОД, БЕЗ БЛИЗКИХ ЛЮДЕЙ Я ВЯД ЛИ МОГ БЫ ЗДЕСЬ УДЕРЖАТЬСЯ. В РОССИИ САМОЕ ВАЖНОЕ – ЛЮДИ. ПОКА ОНИ ТЕБЯ НЕ ЗНАЮТ, ОНИ ОЧЕНЬ СДЕРЖАННЫ. НО СТОИТ ТОЛЬКО ПОЗНАКОМИТЬСЯ, СТАНОВЯТСЯ УДИВИТЕЛЬНО ТЕПЛЫМИ.

«TO BE
OR NOT TO BE»
IN THE LANGUAGE OF
THE ORIGINAL

THE STRENGTH OF ELECTRIC CURRENT IS MEASURED IN AMPERES, VOLTAGE IS MEASURED IN VOLTS. AND AS OF LATE THE DEGREE OF TALENT AT THE MOSCOW ART THEATER (M.H.A.T.) SCHOOL IS BEING MEASURED IN BIRONS: HALF A BIRON*, ONE BIRON. THE PERSON RESPONSIBLE FOR THE EMERGENCE OF THIS NEW UNIT OF MEASUREMENT IS ODIN LUND BIRON, AN AMERICAN WHO CAME TO RUSSIA FOR A COUPLE OF MONTHS ON AN INTERNSHIP PROGRAM AND ENDED UP STAYING FOR MANY YEARS. BY THE TIME HE FINISHED HIS STUDIES AT THE M.H.A.T. SCHOOL, HE ALREADY HAD SOME DOZEN ROLES IN HIS REPERTOIRE, INCLUDING THAT OF HAMLET, AS WELL AS SEVERAL AWARDS.

«I was born in the forest of Minnesota, not far from Lake Superior. This lake has the largest surface in the world, the Baikal of America. When I moved to Russia, it was as if I once again found myself back in Minnesota. We also have taiga and mosquitoes – although ours are much smaller than the ones here. My father is a lumber mill owner, and my mother is an administrator at an outpatient clinic. She always wanted me to have a good grasp of art: she drove me to museums, took me to the local theater auditions, wanted me to take music lessons (I played the cello, the trumpet, the viola, and now I also play the violin). Russia to me was always shrouded in some kind of romantic aura, not least of all because of the Cold War. Once there was a Russian girl who came to us as part of a cultural exchange program, and she would talk excitedly about Lake Baikal – the deepest lake in the world. I immediately had the urge to visit it (which, by the way, I have already done twice – it is your best treasure!) The other thing that influenced my attitude toward Russia is the fact that Chekhov, Dostoyevsky, Tolstoy also come from here. I began studying musical theater at the University of Michigan. In our third year of studies, as a matter of tradition, we were required to do an internship in a different country. As a rule, students try to end up in London or, as a last resort, in Australia, but I didn't want to take the easy way out. I found an internet site that talked about a one of its kind joint program, provided by the Eugene O'Neill Institute in partnership with the M.H.A.T. School, and decided that I would be going to Moscow. During one of our lessons our teachers Igor Zolotovitsky and Sergei Zemtsov asked me via an interpreter whether I liked the Russian language, Moscow. I didn't quite understand the point of their questions, but I responded politely, saying yes, I did. "Well, then come to us to study". And at that moment – I don't know quite how to explain it – the entire great big world around me became this narrow tunnel, the only right path. The lesson was still going on, but I no

naturally, did not understand my decision – in Michigan I could receive grants and study for free. But... there we were not taught to be artists, but rather to view art as a business, and I knew even before my trip to Russia that, for me, something needed to be changed.

Later I became truly frightened by my decision. I remember my first day in the dormitory – nobody around, the place was completely empty, and so I started playing the viola to somehow distract my mind from my fear. February to July I spent living in this manner: I studied the language, tried to work, to teach English. And somehow unwittingly became friends with students from Konstantin Raikin's class. I went with them to Satyricon and that's when I knew that I was interested in that type of theater. As

MOSCOW IN GENERAL IS A VERY COMPLICATED CITY; WHEN YOU ARE A STRANGER TO THEM, THEY ARE VERY RESERVED. BUT ONCE THEY GET TO KNOW YOU, THEY BECOME INCREDIBLY WARM.

a result I told Zemtsov and Zolotovitsky that I wanted to study with those guys.

The five of us, rookies, entered the second year right after a terrible tragedy: Fima Roschupkin, our student and the coolest of friends, was killed in a plane crash. We didn't hang out with him all that often, but we could tell that he had a big heart. He was killed in July, and in September when the studies began, everybody was wary of us, as if we had come to replace someone who was irreplaceable. Everybody was uncomfortable, and me most of all – I have a hard time making friends, especially in a foreign country. But Konstantin Arkadyevich right away and very firmly immersed us in work. Later we went twice to visit Fima's parents, and that brought us much closer together.

Of course it was difficult to study – nobody translated anything just for my sake alone. On my very first day of studies in lecture hall 401 I said to myself: "Okay, Odin. You are here, and now you need to start understanding." Evidently, I was going to have to plunge myself into this "water". The need to express one's thoughts forces one to learn rather quickly how to put words together – albeit incorrectly, but in a way that could be understood. I soon realized that when you yourself understand what you mean, you'll find the right words. It's straight out of Stanislavski: the mouth takes care of everything by itself. Currently I am performing Ostrovsky, and I realize that his language is already a bit foreign for the Russians, but to me that's not a problem. I still have to pore over the text with a dictionary, just like I would for any other role. The same thing, by the way, happens to an American actor who's performing Shakespeare in English: a new syntax, an unfamiliar vocabulary that Shakespeare brought into the English language.

During my studies I went through periods of utter despair. I was already planning to buy a return ticket. One day I finally resolved to talk to Konstantin Arkadyevich, who has always been

Currently I am performing Ostrovsky, and I realize that his language is already a bit foreign for the Russians, but to me that's not a problem.

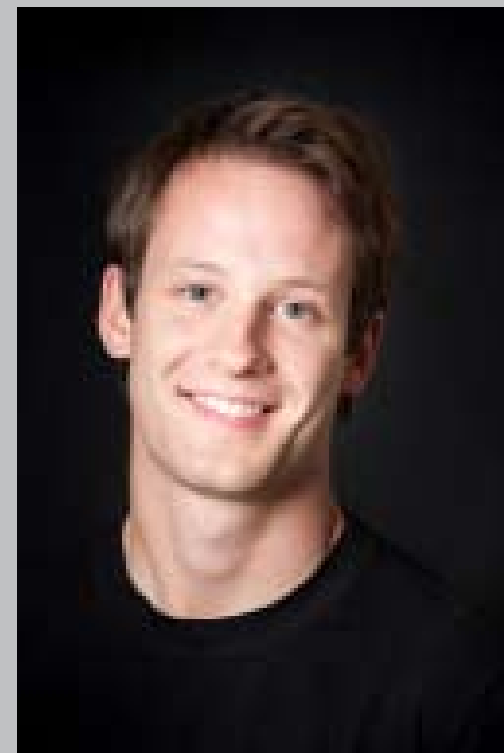
I am playing Hamlet here and now, albeit with an accent, I have to get them to listen to me. And I succeeded!

a great help to me. Even to the point of paying a sum of money for my studies, which I could not afford: "Don't worry about it, Odin, forget it. You can think about it many years from now". I still have not paid him back the money.

And back then he told me: "First of all, calm down. Second, try to find at least one work that you can get lost in". "Hamlet", of course, became such a work, but it wasn't the only one. Long before "Hamlet" we began working with passages. And I was given (most likely at Raikin's suggestion) the role of Boris Grigoryevich from the play "The Storm". I began to work. And suddenly during the play's run I felt a good reaction from the audience, heard laughter. And that moment gave me the strength I needed to keep going and to survive long enough to play "Hamlet". To go down in history, so to speak – after all, this part has never before been played by a foreigner. While playing "Hamlet" I too had to overcome certain obstacles, due to my accent. One time there was a guy and a girl who had obviously come in from the street without the right frame of mind: they were whispering to each other, got distracted by their cell phones. But I said to myself: if I am playing Hamlet here and now, albeit with an accent, albeit in front of people like that, I have to get them to listen to me. And I succeeded!

When I was finishing my studies at the M.H.A.T. School, I had offers from different theaters, but Satyricon was the only one that offered me a part. And I realized that the most important thing is to work with those who want to work with you. Konstantin Arkadyevich is like a father to me. He supports me here like a father would, and like a father he is prepared to let me go, knowing that someday I may be offered some interesting project. And that knowledge warms my heart!

Moscow in general is a very complicated city; if I hadn't found people whom I became close to, I doubt that I would have been able to stay here. In Russia it's the people that are most

important. When you are a stranger to them, they are very reserved – you get the impression that they simply do not notice you, don't consider you a human being. But once they get to know you, they become incredibly warm. If a Russian person is upset over something, you can tell right away! They don't hide anything to begin with! To me that's like a breath of fresh air after all sorts of artificial friendships that I've seen in abundance in America. That's why Russians like clearly-expressed thoughts even in theater.

The question of what to do next troubles me greatly. People whom I respect – teachers, directors – tell me that I must leave. If an actor is serious about his career, he must live in his native land. I understand all that, but I have absolutely no idea of what I should do with all of this – the interesting opportunities, the people who want to work with me. No idea".

** Note: Biron's first name, Odin, in Russian sounds the same as the number "one" (1).*